В.Н. Ракачев
Я.В. Ракачева*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1930−1950-Е ГОДЫ: ФАКТОРЫ, ДИНАМИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-20
УДК 314.3:94(470.6)"193/195"

Выходные данные для цитирования:
Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Трансформация рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е годы: факторы, динамика, последствия // Исторический курьер. 2026. № 5 (49). С. 239−250. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-20.pdf

V.N. Rakachev
Ya.V. Rakacheva*

THE TRANSFORMATION OF THE BIRTH RATE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1930−1950: FACTORS, DYNAMICS, CONSEQUENCES

doi:10.31518/2618-9100-2026-5-20

How to cite:
Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V. The Transformation of the Birth Rate in the North Caucasus in the 1930−1950: Factors, Dynamics, Consequences // Historical Courier, 2026, No. 5 (49), pp. 239−250.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-20.pdf]

Abstract. The article analyzes the transformation of fertility as one of the key demographic processes in the North Caucasus in the 1930s and 1950s. It examines the interaction between universal trends of the demographic transition and specific socio-political factors of Soviet reality (collectivization, the 1932−1933 famine, repressions, deportations of peoples, the Great Patriotic War, and occupation), as well as regional sociocultural characteristics that determined the dynamics of reproductive behavior in the region. Based on a wide range of archival sources, it is shown that the change in the birth rate in the region was nonlinear, intermittent, combining a long-term modernization trend with compensatory demographic reactions to extreme losses and short-term effects of government policy (prohibition of abortions in 1936, stimulating fertility in the late 1940s, the return of deported peoples in 1957). Significant intraregional variability of birth patterns: in Russian-speaking territories (Kuban, Stavropol, Don), modernization processes proceeded rapidly, while in national autonomies (Dagestan, Chechen-Ingushetia, Kabardino-Balkaria), traditional attitudes towards having many children persisted, which led to a differentiation of demographic development by the end of the 1950s. The conclusion is that modernization was incomplete and deformed. The birth rate in the North Caucasus during the period under review, due to the fact that objective changes were distorted by the devastating effects of war, repression and administrative measures.

Keywords: birth rate, demographic modernization, North Caucasus, reproductive behavior, demographic policy.

The article has been received by the editor on 02.07.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Вадим Николаевич Ракачев,** доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, e-mail: midav.sf@mail.ru
Vadim Nikolaevich Rakachev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: midav.sf@mail.ru
Ярослава Владимировна Ракачева, кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com
Yaroslava Vladimirovna Rakacheva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: soccenter.kubsu@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется трансформация рождаемости как одного из ключевых демографических процессов на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг. Рассматривается взаимодействие универсальных тенденций демографического перехода и специфических социально-политических факторов советской действительности (коллективизация, голод 1932−1933 гг., репрессии, депортации народов, Великая Отечественная война и оккупация), а также региональных социокультурных особенностей, определявших динамику репродуктивного поведения населения региона. На основе широкого круга архивных источников показано, что изменение рождаемости в регионе носило нелинейный прерывистый характер, сочетая долгосрочный модернизационный тренд с компенсационными демографическими реакциями на экстремальные потери и краткосрочными эффектами государственной политики (запрет абортов 1936 г., стимулирование рождаемости в конце 1940-х гг., возвращение депортированных народов в 1957 г.). Выявлена значительная внутрирегиональная вариативность моделей рождаемости: в русскоязычных территориях (Кубань, Ставрополье, Дон) модернизационные процессы протекали ускоренно, тогда как в национальных автономиях (Дагестан, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария) сохранялись традиционные установки на многодетность, что обусловило дифференциацию демографического развития к концу 1950-х гг. Делается вывод о незавершенности и деформированности модернизации рождаемости на Северном Кавказе в рассматриваемый период в силу того, что объективные сдвиги оказались искажены разрушительными последствиями войны, репрессий и административных мер.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая модернизация, Северный Кавказ, репродуктивное поведение, демографическая политика.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026 г.

Исследования в области демографической истории продолжают оставаться актуальными как для понимания современных тенденций, так и в связи с открытием новых источников и методов их анализа. Вместе с тем даже при наличии необходимой статистики ученый неизбежно сталкивается с проблемами сопоставимости данных, необходимостью учета постоянно менявшейся политической, экономической и социокультурной конъюнктуры.

В такой ситуации оказывается исследователь при попытке анализа демографических процессов в один из самых сложных этапов советской истории − период 1930−1950-х гг. Демографическое развитие страны в это время определялось сложным комплексом чрезвычайных факторов как внешнего, так и внутреннего характера, который в полной мере еще не исследован и не осмыслен.

Цель данной статьи − анализ трансформации одного из базовых демографических процессов, определяющих воспроизводство населения − процесса рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг. Региональный контекст представляется важным, поскольку он в значительной степени определяется социально-экономическими и социокультурными условиями, которые оказывают значительное влияние на вариативность демографических показателей и их динамику.

Территориально исследование охватывает пространство Северного Кавказа[1] с учетом многочисленных административно-территориальных изменений в исследуемый период,

[1] В 1924−1934 гг. это Северо-Кавказский край, включавший Дон, Кубань и Ставрополье с входившими в них автономиями, а также Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую, Чечено-Ингушскую и Дагестанскую АССР (последняя вошла в состав Северо-Кавказского края с 1931 года). В 1934 г. из состава края был выделен Азово-Черноморский край, куда вошли территории Адыгейской АО и нынешних Краснодарского края и Ростовской области. В 1936 г. из состава Северо-Кавказского края были выведены Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР. С 1937 г. Северо-Кавказский и Азово-Черноморский края прекратили свое существование. На их территориях были образованы Краснодарский край (с входившей в его состав Адыгейской АО), Орджоникидзевский (с 1943 г. Ставропольский) край с Карачаевской (с 1926 по 1943 г.) и Черкесской (с 1926 по 1957 г.) АО (с 1957 по 1992 г. Карачаево-Черкесская АО) и Ростовская область.

которые существенно затрудняют анализ. По возможности выполнялся перерасчет ряда показателей с учетом проводившихся преобразований.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции модернизации и демографического перехода, в том числе применительно к российским условиям. В частности, значимым для нашего анализа является положение, согласно которому демографическая модернизация в России имела незавершенный характер[2], отличалась прерывистостью и нестабильностью, что было обусловлено многократно возникавшими негативными социальными факторами[3]. Источниковую базу исследования составили материалы из фондов региональных архивов и опубликованные данные, к которым применены методы статистического, компаративного и сравнительно-исторического анализа.

Характеризуя динамику рождаемости в 1930−1950-е гг. на Северном Кавказе, необходимо отметить, что она определялась взаимодействием универсальных демографических тенденций, специфических социально-политических факторов и региональных особенностей. С одной стороны, в основе рассматриваемых процессов лежала логика демографического перехода, предполагавшая последовательное снижение смертности, а затем инерционное снижение рождаемости вследствие распространения норм малодетности. С другой стороны, советская модернизация вносила свои коррективы, а этнокультурная специфика региона также оказывала влияние на демографические процессы.

Сам процесс трансформации семьи и репродуктивных моделей в российском обществе обозначил себя в конце XIX − начале XX в[4]. Практика отходничества и другие факторы вели к постепенному переходу от большой патриархальной семьи к малой нуклеарной и, соответственно, к изменению типов демографического поведения в семье[5].

Радикальные преобразования советской власти ускорили эти процессы: Декрет ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» признавал брак добровольным союзом, закреплял его свободный характер и необязательную регистрацию, что ослабляло традиционные требования к семье как институту родительства. Еще более радикальным стало Постановление Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18 ноября 1920 г., легализовавшее аборты в стационарных медицинских учреждениях[6]. Хотя в 1922 г. в Уголовный кодекс была введена статья об ответственности за аборты вне лечебных учреждений, сама по себе легализация способствовала росту числа прерываний беременности и неизбежно сказывалась на показателях рождаемости[7].

К концу 1920-х − началу 1930-х гг. данные ЦУНХУ уже показывали устойчивое снижение рождаемости. В Северо-Кавказском крае за пять лет (1927−1931) число рождений сократилось почти на треть − на 30,9 %, с 362,4 до 250,5 тыс.[8] При этом по отдельным административным образованиям, прежде всего национальным автономиям, наблюдалась значительная вариативность. Если в Дагестанской АССР, Адыгейской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АО число рождений сокращалось, то в Карачаевской, Черкесской, Чеченской АО, напротив, росло (на 11,9, 22,1 и 9,5 % соответственно). С учетом значительного недоучета демографических событий в национальных автономиях эти темпы в действительности могли быть выше[9]. Наибольшее снижение рождаемости (на 31,8 %) показали территории Кубани, Дона и Ставрополья. Помимо универсального тренда модернизации, значительную

[2] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 78.
[3] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 9, 11−12.
[4] *Захаров С.В.* История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. № 10. С. 9−10.
[5] Демографическая модернизация России, 1900−2000. М., 2006. С. 150−165.
[6] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 681.
[7] Демографическая модернизация России… С. 200.
[8] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 20−21; Оп. 20. Д. 41. Л. 40−41.
[9] Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова определяют недоучет за десять лет с 1927 по 1936 г. в 7,8 %. См.: *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза, 1922−1991. М., 1993. С. 43.

роль сыграли социальная эмансипация, индустриализация и урбанизация, коллективизация и раскулачивание, активные миграции, ломавшие традиционный семейный уклад[10].

Ключевым и наиболее разрушительным фактором стал голод 1932–1933 гг. Хотя его основные последствия пришлись на 1933 и частично на 1934 год аграрный кризис и проблемы с продовольствием проявились уже в 1931 г.[11] Исследования показывают, что в результате голода в регионе наблюдалась значительная избыточная смертность[12], которая сказалась на числе рождений. Пик снижения рождаемости в абсолютных значениях в Северо-Кавказском крае в период голода пришелся на 1934 г., тогда как смертность была максимальной в 1933 г. (табл. 1).

Таблица 1

Рождаемость в Северо-Кавказском крае, 1932–1934 гг.

	Родилось, чел.			Родившихся на 1 000 чел.		
	1932	1933	1934	1932	1933	1934
Город	53 801	42 896	37 925	24,1	17,3	15,6
Село	177 556	138 364	89 029	28,4	18,7	21,6
Всего	231 357	181 260	126 954	26,3	18,0	18,6

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 21.

Анализ коэффициентов показывает, что за 1932–1934 гг. рождаемость в городах Северо-Кавказского края сократилась на 35,3 % (с 24,1 до 15,6‰), тогда как в сельской местности – на 24,0 % (с 28,4 до 21,6‰). Таким образом, в относительном выражении город пострадал сильнее. При этом уже в 1934 г. сельская рождаемость стала восстанавливаться. Это может свидетельствовать о том, что пик голода в селе пришелся на 1933 г., а к лету 1934 г. ситуация начала стабилизироваться[13]. В городах спад был более затяжным, возможно, из-за ухудшения продовольственного снабжения. В абсолютных цифрах село потеряло больше рождений (88,5 тыс.), чем город[14]. По оценкам Н.Н. Назаренко и А.В. Башкина демографические потери от снижения рождаемости в регионе в 1933–1934 гг. могли составить около 200 тыс. чел.[15]

Анализ динамики по национальным автономиям позволяет увидеть различия, которые нивелируются при рассмотрении общекраевых данных. Заметное сокращение рождаемости в 1930–1934 гг. наблюдалось в Адыгейской (−50,4 %) и Черкесской (−38,6 %) АО, Дагестане (−38,4 %). Отрицательная динамика была характерна для Кабардино-Балкарии (−1,5 %). В Чеченской, Северо-Осетинской, Карачаевской АО динамика была положительной (+15,1, +14,2, +37,6 % соответственно)[16].

Катастрофические последствия голода вынуждали советское правительство к принятию радикальных мер. В 1935 г. совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения» передало органы загса в подчинение НКВД, ввело единую общесоюзную форму свидетельства о рождении и предусмат-

[10] *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 78–79.

[11] *Ракачев В.Н.* Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар, 2018. С. 98–99, 107–108.

[12] См.: *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России…; *Назаренко Н.Н., Башкин А.В.* Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 183–203.

[13] *Ракачев В.Н.* Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. № 7. С. 131–134.

[14] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 40–41.

[15] *Назаренко Н.Н., Башкин А.В.* Региональные особенности рождаемости и смертности… С. 197.

[16] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д 19. Л. 1–18, 37; Д. 49. Л. 2–5; Д. 256. Л. 21; Д. 132. Л. 56–60; Д. 406. Л. 58–64; Д. 18. Л. 97–98.

ривало уголовную ответственность должностных лиц за несвоевременную регистрацию демографических событий[17]. Эти меры должны были прекратить недоучет, однако их реальное влияние оказалось двойственным: помимо строгого контроля, они привели к политизации статистики и фальсификациям.

Одновременно ужесточался контроль над репродуктивным поведением. С 1930 г. была введена плата за аборт[18], стоимость которой ежегодно росла (к 1935 г. − в 15 раз)[19]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам…» полностью запретило аборты по желанию женщины, ввело уголовную ответственность за их проведение вне больниц и предусматривало меры по поддержке рожениц и многодетных матерей[20].

Проект активно обсуждался в печати[21] и в трудовых коллективах. Идейное обоснование ему дали нарком здравоохранения Н.А. Семашко[22] и юрист А.А. Сольц, который писал: «Нам нужны все новые и новые борцы − строители этой жизни. Нам нужны люди. Аборт, уничтожение зарождающейся жизни, недопустим в нашем государстве строящегося социализма…»[23].

Но, несмотря на запретительные меры, статистика показывала неравномерную динамику абортов. Согласно справке ЦУНХУ, в 1932−1933 гг. на Северном Кавказе в селе число абортов на 100 рождений было значительно выше, чем в среднем по РСФСР, однако к 1933 г. большинство показателей в регионе резко снизилось (табл. 2).

Таблица 2

Аборты по областям и республикам РСФСР

Территория	Год	Абортов на 100 рождений		Абортов на 1 000 населения	
		город	село	город	село
РСФСР	1932	93,7	7,8	26,2	2,7
	1933	130,4	10,5	27,9	3,3
Северо-Кавказский край	1932	98,7	31,2	23,8	7,7
	1933	110,5	26,8	19,1	5

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 7.

Вероятно, сокращение абортов на Северном Кавказе было связано с последствиями голода, который регион испытал в наибольшей степени, чем большинство других территорий РСФСР. Вмешательство государства в семейно-брачную сферу было противоречивым[24], запрет на аборты при низкой сексуальной культуре и отсутствии средств контрацепции вынуждало многих женщин идти на незаконные меры, что приводило к болезням и даже к смерти. Причем наибольшее число абортов приходилось на женщин активного репродуктивного возраста (20−29 лет), что служит показателем глубоких изменений

[17] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1935 г. М., 1947. Отд. 1. Ст. 432.
[18] *Денисов Б., Сакевич В.* Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сб. ст. М., 2014. Вып. 23. С. 192−194.
[19] *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920−1930-е годы. СПб., 1999. С. 286.
[20] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
[21] Декрет счастливого материнства // Медицинский работник. 1938. № 36. 28 июня.
[22] *Семашко Н.* Какой замечательный закон! (К отмене абортов в СССР) // Медицинский работник. 1937. 16 июля.
[23] *Сольц А.* Аборт и алименты // Труд. 1937. № 97. 27 апр.
[24] *Исупов В.А.* История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900−1950-е годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 148. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

репродуктивных установок, снижения влияния религиозных регуляторов и распространения представлений о браке как союзе, не обязательно предполагающем рождение детей[25].

Результаты ограничительных мер не замедлили сказаться на показателях рождаемости. В 1935 г. статистика фиксирует резкий рост рождаемости в регионе − с 138,9 до 264,7 тыс., или на 90,5 % (хотя медленное восстановление началось уже в 1934 г. на 7,5 %)[26]. Это увеличение не могло быть естественным восстановлением, свой вклад внесло и повышение качества текущего учета. По мнению В.Б. Жиромской, после постановления 1935 г. он охватил более 95 % населения[27]. Вероятно, имели место и приписки. Однако в 1936 г. снова наступил спад (на 6,8 %), связанный с исчерпанием компенсаторной рождаемости, а также с засухой и неурожаем в ряде районов Северо-Кавказского края[28]. В 1937 г. рождаемость снова выросла до 329,3 тыс. (+33,5 %). Это был абсолютный максимум за весь период 1930-х гг., что, вероятно, стало результатом запрета абортов. Однако этот эффект был краткосрочным и в 1938 г. рождаемость снизилась на 6,5 %, а к 1939 г. наступила стагнация.

Таким образом, в развитии рождаемости на Северном Кавказе после 1933 г. можно выделить четыре этапа: 1) 1933−1935 гг. − восстановление после голода, связанное с компенсаторным подъемом и улучшением учета; 2) 1935−1936 гг. − краткосрочный спад, отражающий исчерпание компенсаторных рождений; 3) 1936−1937 гг. − пик роста после запрета абортов, когда рождаемость достигла максимума; 4) 1938−1939 гг. − спад и стагнация, возвращение к тренду на понижение.

Если рассматривать ситуацию в разрезе отдельных территорий, обращает на себя внимание резкий скачок рождаемости в 1935 г. в Адыгее на 112,7 %, Кабардино-Балкарии на 200,5 %, Карачае на 75,2 %, Черкесской АО на 135,5 %, Чечено-Ингушетии на 153,7 %, Северной Осетии на 126,9 %, Дагестане на 270,9 %. Этот скачок показывает не столько действительный рост, сколько результаты административных изменений[29] и улучшения учета. В 1936 г. рост продолжился, но был уже не таким высоким (максимум в Адыгее +94,7 %, минимум в Черкесской АО +0,7 %), а Кабардино-Балкария показала снижение рождаемости на 7,7 %[30]. Запрет абортов в 1936 г. привел к росту рождаемости по всем автономиям в 1937 г. (от 20,9 % в Кабардино-Балкарии до 33,6 % в Северной Осетии). Для большинства автономий 1937 г. стал пиком рождаемости за все 1930-е гг. В 1938 г. снова отметился спадом, лишь Ставропольский край и Черкесская АО имели положительную динамику[31]. Таким образом, краткосрочный эффект от запрета абортов был исчерпан к 1938 г. К началу 1940-х гг. Северный Кавказ подошел с неоднозначной ситуацией: рождаемость в целом вернулась к модернизационному тренду.

В отличие от 1930-х гг., где изменения рождаемости были связаны преимущественно с социально-экономическими факторами и административными мерами, в 1940-е гг. определяющую роль сыграли экстремальные внешние условия − военные действия, оккупационный режим, депортации и послевоенный голод.

В 1940 г. общее число рождений по Северному Кавказу составило 358,7 тыс., что на 9,7 % меньше, чем в 1939 г. В отчетах ЦУНХУ среди основных причин названо снижение численности родительского поколения, рожденного в годы Первой мировой, революции и Гражданской войны[32], а также уход мужского населения в связи с событиями 1939−1940 гг.

---

[25] *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927−1959 гг. Тула, 2009. С. 79.

[26] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 58−64.

[27] *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России… С. 103.

[28] Спецсообщение УНКВД по Северо-Кавказскому краю об отрицательных проявлениях в связи с недородом в некоторых районах, по данным на 1 сентября 1936 г. − 4 сентября 1936 г. // Советская деревня глазами ВЧК−ОГПУ−НКВД. 1918−1939. Документы и материалы: в 4 т. М., 2012. Т. 4: 1935−1939 гг. С. 300−305.

[29] В 1936 г. в состав Адыгейской АО были включены г. Майкоп, Гиагинский район и Ханский сельсовет, в состав Северо-Осетинской АССР был передан г. Орджоникидзе, Чечено-Ингушская АССР в 1935−1936 гг. увеличилась за счет г. Грозного, Сунженского округа и части Притеречных земель.

[30] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 58−64.

[31] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 37.

[32] Там же. Оп. 329. Д. 540. Л. 162.

в Монголии, Польше и советско-финской войной, что подтверждается значительным уменьшением количества браков[33].

С началом Великой Отечественной войны, мобилизацией мужчин и ухудшением экономической ситуации рождаемость продолжила снижаться. Сокращение рождаемости в годы войны, по мнению В.А. Исупова, стало важным шагом на пути демографической модернизации[34]. Стремительное падение показателей наблюдалось уже в первые месяцы войны. На Кубани к маю 1942 г. в сравнении с данными соответствующего месяца 1941 г. рождаемость сократилась на 68,3 % (в городах − на 63,6 %, в селе − на 69,5 %). Особенно резкое сокращение произошло с апреля по май 1942 г.: в мае родилось на 85,8 % детей меньше, чем в апреле[35]. Значительное снижение рождаемости на селе стало следствием массовой мобилизации, тогда как в городах мужское население еще оставалось на производстве.

В целом за 1941 г. число рождений в регионе сократилось на 16,8 % к уровню 1940 г. Однако наиболее глубокий провал в рождениях пришелся на 1942−1943 гг., когда большая часть Северного Кавказа находилась в зоне военных действий или оккупации, где статистический учет практически прекратился. По тем территориям, где учет остался, за 1942 г. число рождений снизилось на 72,2 %, за 1943 г. еще на 9,4 %. Рождаемость в эти годы составила 23,1 и 25,3 % к довоенному уровню. По автономиям, где сохранялся учет, наименьшее сокращение наблюдалось в Дагестане (−25,1 и −46,6 %), несколько больше в Северной Осетии (−46,4 и −35,8 %) и Чечено-Ингушской АССР (−59,7 и −31,9 %)[36].

После освобождения оккупированных территорий в 1943−1944 гг. началось постепенное восстановление учета и возвращение населения, однако в 1944 г. показатели рождаемости здесь оказались ниже 1943 г. на 15,7 %, что стало, в том числе, следствием необоснованных и незаконных депортаций ряда народов региона. Сокращение рождаемости показали не только автономии, население которых было выселено, но и часть других территорий (Кубань, Дагестан). В целом уровень рождаемости оставался крайне низким − 22−30 % от показателей 1940 г.

Перелом наступил в 1946 г., когда общее число рождений достигло 53,8 % от довоенного уровня (188,4 тыс.), а прирост рождений за год составил 84,4 %. Этот рост носил компенсаторный характер и был связан с демобилизацией, возвращением эвакуированных, реализацией отложенных рождений. Послевоенный рост рождаемости в регионе продолжался до 1947 г. Однако в 1948 г. число рождений снова сократилось на 10,5 % вследствие голода 1946−1947 гг. Снижение наблюдалось по всему региону: от 2,7 % в Дагестане до 23,8 % в Кабарде[37]. В 1949 г. рождаемость вновь выросла и составила 65,9 % от довоенного уровня, но так и не достигла даже 2/3 от показателя 1940 г.

Анализ внутрирегиональных особенностей динамики позволяет выделить территории – лидеры восстановления. В Северной Осетии рождаемость уже в 1946 г. достигла 88,4 % от довоенного уровня, а в 1947 г. превысила его на 12,7 %, к 1949 г. этот показатель составил 99,4 %. Это объясняется непродолжительной оккупацией, отсутствием депортаций, высокой долей городского населения и развитой инфраструктурой, которые обеспечили быструю реэвакуацию. Ростовская область − второй по темпам восстановления регион: в 1949 г. рождаемость здесь достигла 74,5 % от довоенного уровня. К территориям со средними темпами относятся Кабардинская (72,8 %) и Дагестанская (68,3 %) АССР, Краснодарский край (65,7 %). В числе аутсайдеров Ставропольский край, где рождаемость составила лишь 49,2 % к довоенному уровню из-за длительной оккупации, депортации карачаевцев и оттока насе-

[33] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 148.
[34] *Исупов В.А.* История Западной Сибири… С. 148.
[35] Рассчитано по: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 17. Л. 10−11.
[36] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 7−9, 13−15; Д. 396. Л. 1−2; Д. 545. Л. 1−2; Д. 1015. Л. 1, 6; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 216. Л. 3−4 (в сводке приводятся данные только по освобожденным районам Краснодарского края, там, где был восстановлен загсовский учет; в январе 1943 г. предоставили сводки 54 загса, к декабрю их число составило 581); Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1792. Л. 2, 8−9.
[37] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2.

ления[38]. Адыгейская АО показала специфическую динамику: в 1945 г. рост до 134,0 % от 1940 г., а в 1948 г. падение до 57,3 %[39], что требует дополнительных исследований.

За десятилетие, с 1940 по 1950 г. общий коэффициент рождаемости (ОКР) в регионе снизился в среднем на 33,2 % (с 33,1 до 22,1 ‰). При этом региональная дифференциация была значительной. Максимальное падение зафиксировано в Краснодарском крае (−39,4 %) − регионе, наиболее пострадавшем от оккупации и имевшем высокую долю городского населения. Вторую группу (снижение около 30 %) составили Ставропольский край (−32,6 %), Северная Осетия (−31,9 %) и Ростовская область (−31,6 %). Минимальное снижение (менее 25 %) показали Чечено-Ингушская АССР (−8,2 % − самый низкий показатель)[40], Дагестан (−19,5 %), Кабардино-Балкарская АССР[41] (−22,6 %)[42], что объясняется сохранением традиционных репродуктивных установок у горских народов. Если в 1940 г. показатели Северного Кавказа (33,1 ‰) были выше общероссийских (около 31 ‰), то к 1950 г. они опустились ниже (22,1 ‰ против примерно 26 ‰ по РСФСР), что свидетельствует о более глубоких демографических потерях региона[43].

В 1940-х гг. правительство предприняло ряд мер по стимулированию рождаемости: ввело налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан (1941 г.[44]), увеличило помощь многодетным и одиноким матерям, установило звания «Мать-героиня» и др. (1944 г.[45]), возобновило борьбу с криминальными абортами[46] и пр. Однако они дали недолговременный эффект и не смогли переломить модернизационный тренд − рождаемость оставалась преимущественно компенсаторной. Кроме того, некоторые меры и вовсе дестабилизировали семью[47].

В течение 1950−1959 гг. число рождений на Северном Кавказе выросло с 212,3 до 281,9 тыс., или на 32,8 %. Однако рост был крайне неравномерным: он в значительной степени обусловливался демографической компенсацией в национальных автономиях вследствие возвращения депортированных народов, но сдерживался сокращением репродуктивного контингента (в фертильный возраст вступали малочисленные поколения начала 1930-х гг.). В динамике рождаемости на Северном Кавказе можно выделить три фазы: устойчивый рост в 1950−1954 гг. (на 14,3 %), спад в 1955 г. (на 6,7 %) и новый рост в 1956−1959 гг. (на 4,7 %), связанный с возвращением депортированных народов и включением их в статистику.

Дифференциация между территориями усилилась: в одних явно усиливались модернизационные тенденции, в других наблюдался рост рождаемости. Вторая тенденция наиболее наглядно проявилась в Дагестане, для которого на всем протяжении 1950-х гг. был характерен стабильный и устойчивый рост абсолютных показателей − на 83,8 % (с 23,6 до 43,3 тыс.). Это самый высокий прирост среди всех регионов Северного Кавказа. Дагестан не подвергся депортациям, оккупация была непродолжительной, сохранился традиционный сельский уклад (в 1959 г. 77,5 % рождений в селе). В Кабардино-Балкарской АССР рост усилился с возвращением балкарцев в 1957 г., за десятилетие он составил 76,0 % (с 7,5 до 13,2 тыс.). Максимальный рост в конце 1950-х гг. зафиксирован в восстановленной Чечено-Ингушской АССР: возвращение чеченцев и ингушей в 1957 г., массовое воссоединение семей и молодой возрастной состав вернувшихся дали рост за 1957−1959 гг. на 42,9 % (с 17,3 до 24,7 тыс.). В Карачаево-Черкесской АО в 1957 г. с возвращением карачаевцев и объедине-

[38] В эту категорию может быть включена ликвидированная в 1944 г. Чечено-Ингушская АССР.
[39] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2; ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
[40] До 1944 г.
[41] С 1944 г. Кабардинская АССР.
[42] Рассчитано по: Население и трудовые ресурсы. Ростов н/Д., 1987. С. 36−37.
[43] Население России в XX веке: ивсторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2: 1940−1959 гг. С. 344.
[44] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 42. С. 177-–178.
[45] Там же. 1944. № 37. С. 1−4.
[46] ГАКК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 178. Л. 4−5.
[47] *Жиромская В.Б., Араловец Н.А., Чернышева Н.В.* Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 152.

нием автономий произошел скачок числа рождений с 3,2 до 6,9 тыс. (+117 % за год), а к 1959 г. еще +23,6 %[48].

В Адыгейской АО наблюдался стабильный, но низкий рост − за десятилетие на 28,6 % (с 4,9 до 6,3 тыс.), поскольку население не подвергалось депортациям, но преобладало сельское население. Северо-Осетинская АССР − единственная автономия, где рождаемость колебалась, а рост за десятилетие составил всего 7,9 % (с 8,8 до 9,5 тыс.) − фактически стагнация, вызванная урбанизацией (в 1959 г. 47,5 % рождений в городах) и распространением норм малодетности.

Среди русскоязычных территорий Краснодарский край[49] показал рост рождаемости всего на 7,0 % (с 67,0 до 71,7 тыс.) с падением с 1955 г. − сказывались урбанизация и последствия голода 1932−1933 гг. В Ставропольском крае[50] рост рождаемости составил 21,2 % (с 28,3 до 34,3 тыс.), но динамика была неравномерной. В Ростовской области[51] рождаемость увеличилась на 22,5 % (с 57,4 до 70,4 тыс. с резким спадом в 1955−1957 гг.) преимущественно за счет урбанизации (в 1959 г. 53,5 % рождений в городах − самый высокий показатель по Северному Кавказу)[52].

Обобщая, можно отметить, что в 1950-е гг. на Северном Кавказе четко обозначились две основные модели развития рождаемости. Первая − традиционная (Дагестан, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, отчасти Карачаево-Черкессия) − с высокими показателями, продолжавшими расти за счет сохранения семейно-брачных традиций, многодетности и компенсаторной рождаемости после возвращения депортированных. Вторая − модернизационная (Краснодарский, Ставропольский края, Ростовская область, Северная Осетия) − характеризовалась стагнацией, слабым ростом с периодическими спадами, обусловленными урбанизацией и переходом к малодетности.

Характерной особенностью региона в этот период стал эффект реабилитации репрессированных народов как главный драйвер роста рождаемости в ряде автономий. Резкий скачок рождаемости на 70 % в 1957−1959 гг. объясняется восстановлением Чечено-Ингушской, Карачаевской, Балкарской автономий и возвращением сотен тысяч людей. Это не органический, а механический рост за счет увеличения базы. Если исключить административные эффекты, реальный естественный прирост в русскоязычных регионах не превышал 10−15 %, а основной рост обеспечили национальные автономии.

Северный Кавказ в 1950-е годы оставался глубоко аграрным регионом: доля села в рождениях составляла 68,2 % в 1950 г. и 64,0 % в 1959 г. Однако городская рождаемость росла быстрее: +44,4 % (с 65,3 до 98,5 тыс.) против +30,3 % в селе (с 134,4 до 175,1 тыс.)[53].

Проведенный анализ динамики рождаемости на Северном Кавказе в 1930−1950-е гг. показывает, что данный процесс определялся сложным переплетением универсальных закономерностей демографического перехода и специфических социально-политических факторов советской действительности: коллективизации, голода, репрессий и последствий Великой Отечественной войны. Дополнительную вариативность репродуктивному поведению населения придавали региональные социокультурные особенности.

Общая тенденция снижения рождаемости в регионе носила нелинейный прерывистый характер, сочетая долгосрочный модернизационный тренд с компенсационными демографическими реакциями на экстремальные потери и краткосрочными эффектами государственной политики. Эти потрясения существенно деформировали половозрастную структуру населения и надолго нарушили естественный ход воспроизводства.

Важным инструментом воздействия выступала демографическая политика государства. В 1930−1940-е гг. она была направлена преимущественно на усиление административного

[48] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2.
[49] Без Адыгейской АО.
[50] Без Карачаево-Черкесской АО.
[51] В том числе Ростов − город республиканского подчинения с 1945 по 1957 г. и часть районов Каменской области с 1954 по 1957 г.
[52] Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 134. Л. 29−31; Д. 194. Л. 7, 15; Д. 262. Л. 4, 6; Д. 396. Л. 1−2.
[53] Там же.

контроля над репродуктивным поведением. Однако эффект от этих мер оказался неоднозначным и краткосрочным: они не смогли переломить модернизационные тенденции и давали лишь временные всплески рождаемости.

Таким образом, трансформация рождаемости на Северном Кавказе в рассматриваемый период представляет собой противоречивый процесс, в котором объективные модернизационные сдвиги, разрушительные последствия войн и репрессий, а также административные меры государства предопределили незавершенность и деформированность демографического перехода. Именно эта сложная конфигурация факторов заложила основу для межрегиональных различий, сохраняющихся в регионе вплоть до настоящего времени.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993. 142 с.

Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М.: Наука, 1992. 224 с.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Денисов Б., Сакевич В. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 23. С. 192–194.

Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Жиромская В.Б., Араловец Н.А., Чернышева Н.В. Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 139–155.

Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2022. № 10. С. 4–43.

Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

Исупов В.А. История Западной Сибири в контексте демографической модернизации (1900–1950-е годы) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 140–153. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (дата обращения: 28.06.2026).

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.

Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Северокавказского региона в период голода 1932–1933 годов // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 3. С. 183–203.

Население и трудовые ресурсы / отв. ред. Г.С. Гужин. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. 240 с.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. / отв. ред. В.Б. Жиромская. 416 с.

Ракачев В.Н. Голод и его демографические последствия как результат государственной политики хлебозаготовок на Кубани и Ставрополье в 1930-х гг. // Власть. 2012. № 7. С. 131–134.

Ракачев В.Н. Население Кубани и Ставрополья в 1930–1950-е гг.: историко-демографическое исследование. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2018. 350 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 4: 1935–1939 гг. 983. с.

References

Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Khar'kova, T.L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922−1991* [The Population of the Soviet Union, 1922−1991]. Moscow, Nauka. 142 p.

Aralovets, N.A. (2009). *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1927−1959 gg.* [Urban Family in Russia, 1927−1959]. Tula, Grif i K. 304 p.

Berelovich, A., Danilov, V. (Eds.). (2012). *Sovetskaya derevnya glazami VCHK–OGPU–NKVD. 1918−1939. Dokumenty i materialy: v 4 tomakh. Tom 4: 1935−1939 gg*. [The Soviet Village Through the Eyes of the Cheka−OGPU−NKVD. 1918−1939. Documents and Materials: In 4 volumes. Vol. 4: 1935−1939]. Moscow, ROSSPEN. 983 p.

Denisov, B., Sakevich, V. (2014). Ocherk istorii kontrolya rozhdaemosti v Rossii: bluzhdayushchaya demograficheskaya politika [An Essay on the History of Birth Control in Russia: Wandering Demographic Policy]. In *Denisenko, M.B., Elizarov, V.V. (Eds.). Razvitie naseleniya i demograficheskaya politika. Pamyati A.Ya. Kvashi.* Moscow, MAKS Press. Iss. 23, pp. 192−194.

Guzhin, G.S. (Ed.). (1987). *Naselenie i trudovye resursy* [Population and Labor Resources]. Rostov-on-Don, Izdatelstvo Rostovskogo universiteta. 240 p.

Isupov, V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical-Demographic Essays]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 244 p.

Isupov, V.A. (2020). Istoriya Zapadnoy Sibiri v kontekste demograficheskoy modernizatsii (1900−1950-e gody) [The History of Western Siberia in the Context of Demographic Modernization (1900−1950s)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1, pp. 140−153. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-12.pdf (date of access 28.06.2026).

Lebina, N.B. (1999). *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920−1930-e gody* [Everyday Life of the Soviet City: Norms and Anomalies. 1920s−1930s]. St. Petersburg, Letniy sad. 320 p.

Nazarenko, N.N., Bashkin, A.V. (2022). Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Severokavkazskogo regiona v period goloda 1932−1933 godov [Regional Features of Fertility and Mortality of the Population of the North Caucasus Region during the Famine of 1932−1933]. In *Kavkazologiya*. No. 3, pp. 183−203.

Rakachev, V.N. (2012). Golod i ego demograficheskie posledstviya kak rezul'tat gosudarstvennoy politiki khlebozagotovok na Kubani i Stavropol'e v 1930-kh gg. [Famine and Its Demographic Consequences as a Result of the State Grain Procurement Policy in Kuban and Stavropol in the 1930s]. In *Vlast*. No. 7, pp. 131−134.

Rakachev, V.N. (2018). *Naselenie Kubani i Stavropol'ya v 1930-1950-e gg.: istoriko-demograficheskoe issledovanie* [The Population of Kuban and Stavropol in the 1930s−1950s: A Historical-Demographic Study]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. 350 p.

Verbitskaya, O.M. (1992). *Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh − nachalo 60-kh gg.* [The Russian Peasantry: From Stalin to Khrushchev. Mid-1940s − Early 1960s]. Moscow, Nauka. 224 p.

Vishnevskiy, A.G. (1998). *Serp i rubl': Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [The Sickle and the Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI. 432 p.

Vishnevskiy, A.G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900−2000* [Demographic Modernization of Russia, 1900−2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

Zakharov, S.V. (2022). Istoriya rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [The History of Fertility in Russia: From Generation to Generation]. In *Demograficheskoe obozrenie*. No. 10, pp. 4−43.

Zhiromskaya, V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends of Russia's Demographic Development in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo pole. 320 p.

Zhiromskaya, V.B. (Ed.). (2021). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. V 3 tomakh* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays. In 3 vols. Vol. 2: 1940−1959]. Moscow, ROSSPEN. 416 p.

Zhiromskaya, V.B., Aralovets, N.A., Chernysheva, N.V. (2024). Demograficheskie parametry rossiyskoy sem'i v 1950-kh gg. [Demographic Parameters of the Russian Family in the 1950s]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 4, pp. 139−155.